

Ереси и расколы первых трех веков христианства

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е70

Е70 Ереси и расколы первых трех веков христианства: Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 354 с.

ISBN 978-5-458-07509-1

Ереси и расколы первых трех веков христианства.
Часть 1.
Обозрение источников для истории древнейших сект.

ISBN 978-5-458-07509-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

указаній на еретическія и раскольническія секты того времени. И всего этого нельзя понимать надлежащимъ образомъ, не имѣя правльнаго представленія о смыслѣ и значеніи древнихъ ересей и расколовъ.

Изученіе древнихъ ересей и расколовъ имѣеть для насъ не одно историческое значеніе, какъ изученіе замѣчательнаго прошлаго, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ болѣе живой и близкій нашему времени—научный и даже практической. Большая часть сектъ, возникавшихъ въ христіанскомъ мірѣ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, исчезала довольно скоро; лишь немногія изъ нихъ продолжали существовать до 5-го, 6-го и 7-го столѣтій. Но вліяніе ихъ далеко не исчезло такъ скоро, но напротивъ весьма сильно отражалось какъ на сектахъ позднѣйшихъ, образовавшихся уже къ среднимъ вѣкамъ христіанской исторіи, такъ и въ жизни самаго церковнаго христіанства. Прежде всего древнѣйшія секты, независимо отъ частныхъ пунктовъ вѣроученія и правоученія, со стороны общихъ началъ и характера ихъ представляютъ, такъ сказать, основные типы, первоначальные образцы, по которымъ стали образовываться позднѣйшія секты, подобно тому какъ и въ главныхъ направленіяхъ только-что начинавшаго тогда формироваться церковно-христіанскаго богословія мы можемъ находить основные и вполне характерные типы позднѣйшихъ направленій, развивающихся въ христіанскомъ богословіи. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на великое множество разныхъ сектъ, появившихся въ христіанствѣ въ древніе, средніе и позднѣйшіе вѣка и не перестающихъ появляться до настоящаго времени, всѣ эти секты по существеннымъ чертамъ ихъ характера и направленія нетрудно подвести подъ нѣсколько основныхъ типовъ и разрядовъ; и для всѣхъ этихъ типовъ сектантства найдутся вполне характерные представители въ древнѣйшихъ сектахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Уже это одно можетъ представить нѣсколько значительныхъ данныхъ какъ для общаго философскаго пониманія исторіи, такъ и для раз-

личныхъ частныхъ выводовъ по отношенію къ сектамъ появляющимся въ христіанствѣ въ болѣе позднія времена.

Кромѣ сходства въ общемъ характерѣ и направленіи, позднѣйшія секты представляютъ не мало сходнаго съ древнѣйшими и въ частныхъ пунктахъ вѣроученія и правоученія. Въ развитіи сектъ, появлявшихся въ христіанскомъ мірѣ отъ временъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ, можно замѣтить своего рода историческое преемство—какъ бы своего рода еретическое преданіе, подобно тому, какъ общее церковное преданіе служитъ основаніемъ развитія жизни церковной: секты вѣковъ древнихъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не долго существовали, — но многія возрѣнія ихъ перешли въ секты болѣе позднія, а отъ нихъ еще въ позднѣйшія. Поэтому для разъясненія исторіи позднѣйшихъ сектъ оказывается необходимымъ обращаться къ предшествовавшимъ имъ древнимъ сектамъ. Такъ при объясненіи возникновенія и развитія протестантскихъ обществъ послѣднихъ вѣковъ нельзя совершенно не обращать вниманія на предшествовавшія протестантству на западѣ средневѣковыя секты оппозиціоннаго папству и направленія—на секты катаровъ, вальденсовъ, доллардовъ, которыхъ не безъ основанія многіе новѣйшіе историки называютъ предшественниками реформаціи. Исторія средневѣковыхъ западныхъ катаровъ тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ исторією восточныхъ средневѣковыхъ сектантовъ—богумиловъ и павликианъ; а серьезное изученіе этихъ послѣднихъ необходимо должно привести къ древнѣйшимъ христіанскимъ сектамъ—гностицизму и манихейству. Указывая на эту историческую связь идей позднѣйшаго времени съ идеями древними, мы не то конечно хотимъ сказать, что идеи древнихъ сектъ переходили въ позднѣйшія въ своемъ первоначальномъ видѣ, и что секты позднѣйшія представляютъ такимъ образомъ какъ бы повтореніе древнѣйшихъ. Напротивъ всякая позднѣйшая секта несомнѣнно представляетъ что-либо новое своеобразное: идеи сектъ древнихъ, переходя въ позднѣйшія, много видоизмѣняются подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ и національныхъ условій и въ сочетаніи съ другими идеями, при-

входящими въ позднѣйшія секты изъ новыхъ историческихъ и національныхъ источниковъ. Но именно изученіе этого самаго процесса мысля, тождественной по своей основѣ для различныхъ историческихъ эпохъ, но видоизмѣняющейся въ своемъ развитіи подѣ влияніемъ новыхъ историческихъ условій, и представляется дѣломъ въ высшей степени интереснымъ для историка.

Разъясненіе исторіи сектъ позднѣйшихъ по восходящему порядку доводитъ насъ до сектъ самыхъ древнихъ. Но въ свою очередь разсмотрѣніе возрѣвнѣй древнѣйшихъ сектъ должно показать намъ, что и эти послѣднія при самомъ первомъ явленіи своемъ въ христіанствѣ не были явленіемъ совершенно новымъ, внезапно возникшимъ безъ всякой причины и подготовки, неизвѣстно откуда и почему, но представляли на христіанской почвѣ отраженіе идей и влияній еще болѣе глубокой древности — идей и влияній древней іудейской синагоги, религіозныхъ вѣрованій языческаго востока и древней греческой философіи. Съ этой стороны разъясненіе смысла первыхъ христіанскихъ сектъ представляетъ новый интересъ—по отношенію уже не къ позднѣйшимъ только историческимъ явленіямъ, но и къ явленіямъ древнѣйшимъ, предшествовавшимъ явленію христіанства. Это разъясненіе всего лучше можетъ показать на исторической почвѣ отношенія новой религіи христіанской къ религіямъ древняго міра—языческой и іудейской и къ древней философіи языческой, показать глубокую противоположность принциповъ древняго міра съ принципами христіанскими, несомнѣнное превосходство послѣднихъ предъ первыми, и тѣмъ самымъ отчасти уяснить и тотъ историческій вопросъ, почему древніе религіозные принципы должны были уступить мѣсто въ исторіи христіанскому принципу.

Мы сказали, что многія идеи сектъ древнихъ отразились въ возрѣвнѣяхъ позднѣйшихъ сектъ. Но этого мало. Вліяніе этихъ идей не ограничивалось областью позднѣйшаго сектантства, но сильно отражалось въ сознаніи и жизни самаго церковнаго христіанства. Между жизнью сектантства и жизнью

церковнаго христіанства никогда не было твердой непроходимой грани: несмотря на всѣ церковныя и государственныя мѣропріятія къ рѣшительному разобщенію сектантства отъ церковнаго христіанства, всегда оставалось мѣсто болѣе или менѣе свободному теченію идей изъ одной области въ другую и обратно. Въ церкви — между церковными христіанами всѣхъ странъ и народовъ всегда было распространено немало такихъ идей, преданій, повѣрій и обычаевъ, которыя не согласуются съ строгими воззрѣніями самой церкви и иногда представляютъ существенное противорѣчіе основнымъ началамъ христіанства. Многіе изъ этихъ повѣрій и обычаевъ — остатки мѣстнаго язычества; но многое нельзя объяснить изъ этого источника, а скорѣе нужно объяснять изъ другаго — изъ сектантскихъ вліяній. Въ особенности въ средніе вѣка, когда церковные христіане всѣхъ странъ и народовъ въ большинствѣ своемъ признавали и догматизованное ученіе церкви понимали плохо, а между тѣмъ почти повсюду въ христіанскихъ странахъ были распространены различныя секты: въ это время въ среду церковнаго христіанства могло перейти множество суевѣрныхъ преданій, повѣрій, апокрифическихъ сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ сектантскаго характера. Суевѣрія эти въ среду простаго мало просвѣщеннаго народа могли проникать тѣмъ удобнѣе, что приверженцы сектантства подъ страхомъ церковныхъ и государственныхъ преслѣдованій держались вездѣ очень скрытно, и обыкновенно распространяли свои идеи не прямо въ видѣ открытой пропаганды еретическаго ученія, которой вѣрующіе христіане не стали бы слушать, а подъ покровомъ разныхъ легендъ, мифовъ, апокрифическихъ сказаній, увлекательныхъ для наивной фантазіи простодушнаго народа; и не представлявшихъ для него видимаго противорѣчія съ его церковными убѣжденіями. Народъ простодушно принималъ эти повѣрія и легенды, не предполагая въ нихъ еретическаго происхожденія и еретическаго смысла, не думая чрезъ принятіе ихъ въ чемъ-либо отступать отъ своего церковнаго ученія, напротивъ иногда же-

лая въ благочестивомъ, но темномъ усердіи этими самыми апокрифическими сказаніями и повѣрьями пополнить свои скудныя религіозно-церковныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ незамѣтно проникло въ среду христіанскаго народа множество сомнительныхъ повѣрій, темныхъ легендъ, апокрифическихъ сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ сектантскаго характера. Многіе изъ нихъ и доселѣ держатся въ народѣ, и народъ и доселѣ вовсе не подозреваетъ въ нихъ еретическаго происхожденія и какого-либо еретическаго характера. И нельзя конечно ставить это въ вину народу, недостаточно наставленному въ правильномъ пониманіи смысла и требованій христіанства. Тѣмъ болѣе нельзя изъ этого выводить какихъ-либо заключеній о сознательной склонности народа, несочувствующаго будто бы официальнымъ церковнымъ вѣрованіямъ, къ воззрѣніямъ противоцерковнымъ — сектантскимъ. Прямой сознательной склонности къ сектантству здѣсь вовсе нѣтъ. Народъ, сохраняя въ средѣ своей множество воззрѣній и повѣрій сектантскаго характера, некренно считаетъ себя церковнымъ православнымъ народомъ, и самыя эти сектантскія повѣрья и сказанія обыкновенно относитъ къ какому-нибудь свято-читному церковному источнику. Но тѣмъ не менѣе эти повѣрья и сказанія не перестаютъ поэтому быть несогласными съ строго-церковнымъ вѣрованіемъ, не теряютъ своего въ существѣ дѣла сектантскаго характера. И объясненіе вопроса, какимъ образомъ эти повѣрья и сказанія сектантскаго характера могли проникнуть въ среду искренне-вѣрующаго церковнаго народа, какъ въ средѣ преданнаго церкви народа могло образоваться это такъ-называемое многими въ наше время *двоевѣріе*, разъясненіе этого вопроса имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи церкви. Изученіе воззрѣній средне-вѣковаго сектантства — съ одной стороны въ связи съ многими повѣрьями и сказаніями, доселѣ удерживающимися въ средѣ христіанскихъ народовъ, съ другой стороны въ связи съ воззрѣніями древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ—несомнѣнно должно показать, что воззрѣнія древнихъ сектантовъ—ка-

кихъ-нибудь гностиковъ, манихеевъ, монтанистовъ и т. д., давнымъ-давно и повидимому совершенно безслѣдно исчезнувшихъ изъ исторіи,—въ существѣ дѣла оказываются однакожь совсѣмъ не такъ далеки отъ насъ, совсѣмъ не такъ чужды той самой средѣ, въ которой мы живемъ, какъ это можетъ представиться людямъ не довольно понимающимъ исторію христіанства.

Съ указываемой здѣсь стороны изученіе исторіи древнихъ сектъ должно представлять большой интересъ не для однихъ церковныхъ историковъ. Народныя повѣрья, суевѣрные обычаи, апокрифическія сказанія въ настоящее время обращаютъ на себя общее вниманіе ученыхъ—этнографовъ, археологовъ, историковъ литературы. Вниманіе ученыхъ въ настоящее время пока занято преимущественно разыскиваніемъ и описаніемъ матеріаловъ подобнаго рода. Но когда на почвѣ этой предварительной дѣятельности довольно будетъ сдѣлано, когда болѣе сознана будетъ потребность въ осмысленіи и объясненіи добытаго матеріала, вниманіе этнографовъ и историковъ литературы несомнѣнно должно будетъ обратиться къ серіозному изученію древнихъ христіанскихъ сектъ. Потребность эта начинается по немногу сознаваться уже и въ настоящее время. Невозможность объяснить значительнѣйшую часть народныхъ повѣрій и сказаній апокрифическаго характера изъ остатковъ одного мѣстнаго язычества въ настоящее время можетъ считаться признанною между людьми понимающими это дѣло. Другой путь—отправляться для разъясненія народныхъ преданій въ далекую Индію или пожалуй даже въ Монголію и Тибетъ, объяснять сходство преданій распространенныхъ у различныхъ новыхъ народовъ, не имѣвшихъ между собою непосредственныхъ историческихъ связей, единствомъ ихъ общей первобытной родины, сблизать прямо позднѣйшія религиозныя повѣрья, напр. русскаго народа съ религиозными преданіями древнѣйшаго восточнаго язычества,—этотъ путь, въ настоящее время еще увлекающій многихъ, также едва ли можетъ привести къ значительнымъ и опредѣленнымъ резуль-

татамъ. Доказать прямую непосредственную связь русскихъ и западно - европейскихъ народныхъ повѣрій съ религіозными воззрѣніями древняго востока едва ли когда-нибудь удастся. Во всякомъ случаѣ многихъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ указанному матеріалу, этимъ путемъ объяснить нельзя. Для объясненія перехода древнихъ религіозныхъ преданій языческаго востока въ повѣрья новыхъ народовъ христіанскаго запада необходимо предположить какія-нибудь историческія посредства. Нѣкоторые ученые въ настоящее время уже приходятъ къ той мысли, что такія историческія посредства по всей вѣроятности нужно искать всего болѣе въ средневѣковомъ сектантствѣ ¹⁾. Съ этою цѣлью ученые, занимающіеся разьясненіемъ народныхъ сказаній, повѣрій и обычаевъ, уже начинаютъ въ настоящее время обращаться къ изученію занадныхъ катаровъ и восточныхъ богумиловъ, и придавать значеніе историческимъ памятникамъ такого рода, какъ Паноуплія Зигабена или какіе-нибудь остатки апокрифическихъ сказаній богумильскихъ и альбонгойскихъ. Но здѣсь не конецъ дѣлу. Исторія средневѣковыхъ сектантовъ—катаровъ и богумиловъ, какъ мы уже сказали, можетъ быть понята ясно не иначе какъ въ связи съ исторіею древнихъ гностиковъ и манихеевъ,— Паноуплія Зигабена для своего разьясненія необходимо требуетъ изученія древнѣйшихъ сочиненій о ересяхъ—Иринея, Ипполита, Епифанія и др., и апокрифическія произведенія средневѣковаго сектантства весьма желательно было привести въ болѣе ясныя соотношенія съ древнѣйшими христіанскими апокрифами, преимущественно находившимися въ употребленіи у еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

---

¹⁾ Изъ нашихъ русскихъ ученыхъ это направленіе всего яснѣе называется у профессора Спб. университета г. Веселовскаго (въ его изслѣдованіи *о Соломонѣ и Китоврасѣ*—см. въ особенностяхъ предисловіе и главу 4-ю и въ другихъ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы и Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія*). Нѣкоторымъ другимъ нашимъ ученымъ какъ будто не совсемъ нравятся направленіе, вводимое г. Веселовскимъ въ изученіе народной литературы; но мы думаемъ, что это направленіе во всякомъ случаѣ будетъ имѣть свое развитіе и значеніе въ наукѣ.

Кромѣ всего сказаннаго, изученіе древнихъ ересей въ настоящее время получаетъ еще новое и особенное значеніе. Мы признаемъ, что это изученіе необходимо для лучшаго пониманія самаго христіанскаго богословія и церковной жизни, такъ какъ христіанское богословіе и церковная жизнь развивались въ борьбѣ церкви съ ересями и расколами. Но мы далеки отъ того, чтобы признать христіанское богословіе и церковную жизнь, по самому ихъ содержанію, по ихъ внутреннимъ основнымъ принципамъ — вполне зависящими отъ этого источника, и какъ бы выработавшимися изъ него. Церковь христіанская отъ самаго начала имѣла содержаніе для своего богословствованія и основы для устройства своей жизни въ себѣ самой: это содержаніе и эти основы — коренныя истины вѣры, нравственные принципы жизни — даны церкви въ Божественномъ Откровеніи отъ Божественнаго Основателя ея Иисуса Христа; это содержаніе и эти основы только исторически раскрывались въ борьбѣ съ ересями и расколами. Появленіе новыхъ ересей и расколовъ не новые догматы, не новые жизненные принципы давало церкви, но давало поводъ къ раскрытію ея внутреннихъ вѣрованій и жизненныхъ принциповъ, отъ самаго начала бывшихъ достояніемъ церкви, основою жизни церковной, — къ раскрытію ихъ съ той или другой стороны, въ томъ или другомъ направленіи преимущественно къ различнымъ потребностямъ и условіямъ исторической жизни. Такъ понимается исторія раскрытія христіанскаго богословія и церковной жизни въ связи съ исторіею ересей и расколовъ большею частію христіанскихъ историковъ; и для такого пониманія ея даетъ твердыя основанія безпристрастное изученіе древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ христіанства. Но есть ученые, которые не останавливаются на этомъ, которые стараются доказать, что не только раскрытіе христіанскаго богословія и церковной жизни происходило въ постоянной борьбѣ съ ересями и расколами, но и самое содержаніе ихъ постепенно вырабатывалось изъ этой борьбы. Такое воззрѣніе преимущественно развилось въ трид-

цатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ новѣйшей рационалистической—такъ-называемой ново-тюбингенской школѣ германскихъ богослововъ и историковъ. Эта школа, какъ извѣстно, задалась задачею объяснить происхождение и развитіе христіанства естественнымъ историческимъ путемъ—изъ того соприкосновенія языческихъ и іудейскихъ понятій, изъ того броженія религиозныхъ и философскихъ идей, которое такъ сильно было въ вѣка образованія и первоначальнаго развитія христіанской церкви. Мало находя данныхъ для проведенія своего воззрѣнія въ историческихъ памятникахъ самой церкви, школа эта естественно должна была обратиться и на самомъ дѣлѣ обратилась къ преимущественной разработкѣ исторіи ересей первыхъ вѣковъ; такъ какъ въ ересяхъ преимущественно отразилось то замѣчательное броженіе религиозныхъ идей, изъ котораго, по мнѣнію школы, можно естественно объяснить и самое возникновеніе и все содержаніе христіанства. Понятное дѣло, что въ этой школѣ изученіе ересей первыхъ вѣковъ должно было получить и особенное значеніе и особенную постановку. По нашему мнѣнію это изученіе важно для исторіи церкви, потому что помогаетъ уясненію вопроса *объ историческомъ развитіи* христіанства: по мнѣнію школы оно еще важнѣе потому, что ведетъ къ разрѣшенію вопроса о самомъ *естественномъ происхожденіи* христіанства. По нашему мнѣнію, въ борьбѣ съ ересями и расколами *совершалось раскрытіе* христіанскихъ вѣрованій и жизненныхъ принциповъ: по мнѣнію школы, изъ этой борьбы *вырабатывалось самое содержаніе* этихъ вѣрованій и жизненныхъ принциповъ. По нашему мнѣнію, изученіе древнихъ ересей и расколовъ проясняетъ отношенія христіанской религіи къ древнимъ религіямъ іудейской и языческой и къ древней философіи; такъ какъ многія изъ древнихъ сектъ представляютъ прямое отраженіе старыхъ дохристіанскихъ религиозныхъ и философскихъ вліяній на христіанской почвѣ. По мнѣнію школы, эти секты представляютъ *не только отраженія* дохристіанскихъ вліяній на христіан-

ской почвѣ, но такъ сказать *переходные моменты*, посредствомъ которыхъ старыя языческія и іудейскія идеи во взаимномъ соприкосновеніи и въ различныхъ сочетаніяхъ образовали новую христіанскую религію. Такимъ образомъ здѣсь ставится коренной вопросъ всей христіанской исторіи, — вопросъ о самомъ происхожденіи христіанства, о томъ замѣчательномъ процессѣ, какимъ оно могло будто бы образоваться совершенно естественнымъ образомъ изъ взаимнаго соприкосновенія древнихъ іудейскихъ и языческихъ—религіозныхъ и философскихъ идей. Свои взгляды, выведенные изъ научнаго будто бы сравненія данныхъ древнѣйшей исторіи христіанской съ исторіею сектъ, рационалистическая школа старается примѣнить какъ къ общему построенію первоначальной исторіи христіанства, такъ и къ значительнѣйшимъ частнымъ вопросамъ, представляющимся въ ней. Образование христіанскихъ догматовъ у рационалистовъ богослововъ объясняется не столько изъ того прямаго и непосредственнаго памятника, изъ котораго объясняютъ ихъ вѣрующіе богословы — изъ божественнаго Откровенія, изъ священнаго Писанія и преданія, изъ изреченій Христа Спасителя и апостоловъ, но изъ старыхъ дохристіанскихъ — религіозныхъ и философскихъ идей посредствомъ видоизмѣненія ихъ въ разныхъ сектантскихъ ученіяхъ, изъ которыхъ будто бы постепенно выработывались и церковныя ортодоксальныя воззрѣнія. Происхожденіе самыхъ первыхъ памятниковъ христіанской вѣры и исторіи не только поставляется въ ближайшую связь съ древними сектантскими памятниками, но и выводится изъ нихъ: Евангеліе Матѳея признанное церковію представляется передѣлкою евангелія евангелистовъ, Евангеліе Луки позднѣйшею редакціею евангелія маркіонова; образование цѣлаго канона священныхъ книгъ, принятыхъ церковію, представляется какъ бы подражаніемъ канону сектантскому—маркіонову и т. д. и т. под.

Мы не придаемъ слишкомъ большаго значенія помянутой рационалистической школѣ. Мы не думаемъ, чтобы крайнія воззрѣнія ея удержались твердо въ наукѣ. Мы увѣрены въ томъ,